

Лебедев А. П. Константинопольская патриархия: (От эпохи падения Византийской империи до ближайших к нам времен). Предварительные замечания // Богословский вестник 1894. Т. 3. № 9. С. 376–388 (3-я пагин.). (Продолжение.)

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ПАТРИАРХІЯ.

(Отъ эпохи паденія византийской имперіи до ближайшихъ къ намъ временъ).

(Предварительныя замѣчанія)

Ἡ πατριάρχης καθέζεται εἰς τὸν πατριαρχικὸν θρόνον αὐτοῦ ὡς κύριος καὶ δεσπότης τῆς οἰκουμένης, καὶ κρίνει καὶ ἀποφασεῖς ποιεῖ. καὶ τίμα πατριαρχικὰ γράμματα οἱ χριστιανοὶ ἐπέρουν εἰς τὰς πόλεις αὐτῶν, καὶ ἔχουν τὸ βέβαον εἰς ὅλην τὴν οἰκουμένην.

Historia Patriarchica, ad finem.

„Одною изъ главныхъ задачъ нашего труда будетъ историческая жизнь константинопольскихъ патріарховъ, патріарховъ — хорошо знаемъ это: часто — озлобляемыхъ, унижаемыхъ, гонимыхъ, изгоняемыхъ и умерщвляемыхъ; едва ли не въ большинствѣ случаевъ — унижающихся, роняющихъ свой санъ и достоинство, корыстолюбивыхъ и порочныхъ; положимъ рѣдко — совершенно невѣжественныхъ, еле бредущихъ по части греческой грамоты; положимъ еще рѣже-шатающихся по улицамъ столицы съ протянутой рукой; живущихъ въ грязномъ и воюющемъ Фанарѣ, не знающихъ что такое дворцы прелатовъ, но все же великихъ своимъ авторитетомъ и вліятельнымъ положеніемъ въ церкви вселенской“.

А. П. Лебедевъ.

Съ наименованіемъ патріархія соединяются неодинаковыя представленія. Иногда этимъ названіемъ обозначается просто мѣсто жительства патріарха константинопольскаго въ столицѣ Турціи, иногда же имъ указывается на ту систему управленія, которою руководится патріархъ и подчиненные ему архіереи въ своей церковно-общественной дѣятельности; а при другихъ случаяхъ тѣмъ же именемъ обозначается вся вообще жизнь и дѣятельность патріарховъ константинопольскихъ съ тѣми особенностями, которыя ха-

рактизируютъ этихъ іерарховъ въ теченіи всей исторіи греческой церкви турецкаго періода, при чемъ разумѣются исторически сложившіяся и теперь проявляющіяся черты умственного, нравственного, церковно-общественнаго и матеріальнаго положенія этихъ самыхъ патріарховъ—не такія черты, которыя возникли и продолжаютъ обнаруживаться въ силу церковныхъ и гражданскихъ законовъ страны, а которыя создаются вліяніемъ и условіями дѣйствительной жизни всегда разнообразной и неуклонно дѣйствующей въ томъ или другомъ направленіи и образующей то, что называется силою обстоятельствъ. Мы станемъ разумѣть выраженіе: патріархія въ этомъ послѣднемъ, широкомъ, смыслѣ, который позволитъ намъ подвести подъ это понятіе явленія очень разнороднаго свойства. Само по себѣ понятно, что проявленія свойствъ константинопольской патріархіи наблюдаются всего яснѣе на самыхъ константинопольскихъ патріархахъ, этихъ характеристичныхъ историческихъ личностяхъ, вокругъ и около которыхъ и будутъ вращаться наши разсужденія и сообщенія ¹⁾.

¹⁾ Кромѣ тѣхъ источниковъ, которые были нами перечислены и оцѣнены въ особой главѣ, болѣе или менѣе существенную помощь при написаніи нами настоящаго очерка будутъ оказывать намъ слѣдующіе авторы и ихъ сочиненія: 1) *Μανουὴλ Γεδεών. Πατριαρχικοί Πίνακες* (Константинополь, 1890). Это заглавіе греческій авторъ затѣмъ поясняетъ такъ: „историко-біографическія свѣдѣнія о патріархахъ константинопольскихъ, начиная отъ Андрея Первозваннаго до Іоакима III или ессалоникскаго (36—1884 г.). Гдѣ и какое получилъ образованіе авторъ Мануилъ Гедеоунъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній. Знаемъ только, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, что волею патріарха константинопольскаго Іоакима III (1878—1884 г.), 1-го мая 1883 года онъ назначенъ редакторомъ основывавшагося официальнаго патріаршаго журнала (посвященнаго, кромѣ официальныхъ извѣстій, и наукѣ) подъ заглавіемъ „*Εκκλησιαστικὴ Αλήθεια*“; поручая редакторство этого журнала Гедеоуну, патріархъ, кромѣ того, возложилъ на него обязанность составить и издать историческій каталогъ (или списки) всѣхъ патріарховъ константинопольскихъ (σελ. 707—708). Эту обязанность Гедеоунъ выполнилъ неукоснительно и въ результатѣ полученъ обширный томъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Сочиненіе Гедеоуна *Πίνακες*, должно сказать, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ церковно-исторической греческой литературы нашего времени. Честь и хвала автору! Впрочемъ должны оговориться, наши похвалы и вообще наши замѣчанія по поводу книги Гедеоуна будутъ относиться только къ той ея части, которую мы достаточно изучили и которая обнимаетъ исторію патріарховъ турецкаго періода (σελ. 469—709). Прямо заявляемъ, что имѣя такого серьез-

Ктонибудь и когданибудь напишетъ полную исторію константинопольскихъ патріарховъ отъ эпохи паденія ви-

наго и многоученаго руководителя, какъ Гедеонъ, мы обезпечены отъ грубыхъ ошибокъ и можемъ идти впередъ, не опасаясь встрѣтить на дорогѣ непреодолимыхъ затрудненій. Совѣтами и указаніями Гедеона мы будемъ пользоваться съ довѣріемъ и признательностью. Авторъ заслуживаетъ этого. По части греческихъ источниковъ, касающихся исторіи константинопольскихъ патріарховъ, онъ читалъ и знаетъ все существенное. Въ научномъ отношеніи — авторъ значительная сила. Вся книга испещрена многочисленными цитатами, взятыми прямо изъ источниковъ. Кромѣ греческихъ произведеній, авторъ цитируетъ и латинскія, и французскія и нѣмецкія сочиненія. Но по части иностранной литературы его знакомство ограничивается немногимъ, что впрочемъ нельзя ставить автору въ особенную вину. Жаль только, что при изложеніи знаменательнаго правленія церковію Іереміи II онъ не пользовался извѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ Герлахомъ: съ Герлахомъ Гедеонъ знакомъ лишь при посредствѣ сочиненій греческаго ученаго Саты. Авторъ ведетъ свое дѣло такъ: прежде всего отмѣчаетъ очень точно годы правленія извѣстнаго патріарха, даетъ его характеристику (если для этого есть матеріалъ), приводитъ біографическія свѣдѣнія о патріархѣ и въ заключеніе исчисляетъ церковно-административныя акты, которые относятся къ исторіи изучаемаго имъ патріаршества. Почти всѣ очерки патріарховъ равны между собою по объему: авторъ не увлекался. Новѣйшимъ патріархамъ, о которыхъ, конечно, у него было гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ о болѣе раннихъ — онъ однакоже отводитъ въ своей книгѣ не больше мѣста, какъ и болѣе древнимъ. Видно, что не матеріалъ господствуетъ надъ авторомъ, а авторъ хозяйничаетъ надъ матеріаломъ. Это очень похвально. Но важнѣе всего то, что Гедеонъ пишетъ съ открытымъ чувствомъ для воспріятія и возвѣщенія чистой истины. Ни малѣйшей тенденціи, ни малѣйшаго желанія прикрасить и разубрать картину у него нѣтъ. Онъ пишетъ, подчиняясь долгу историка и призванію христіанина не говорить лжи. Мы должны высоко ставить трудъ Гедеона, правдивый и чуждый тенденціозности! Какая разница между трудами римско-католическихъ ученыхъ, описывающихъ исторію папъ и трудомъ православнаго Грека Гедеона, описывающаго исторію дорогой ему патріархіи: первые стараются умалчивать о темныхъ сторонахъ въ исторіи папства, а второму и на мысль не приходило такое постыдное дѣло. Послѣ тѣхъ похвалъ, которыми мы осыпаемъ Гедеона, читатель вправѣ спросить: неужели трудъ Гедеона совершенство? Нѣтъ, этого мы не станемъ утверждать. Въ немъ есть недостатки. Къ существеннымъ недостаткамъ произведенія Гедеона нужно отнести его тщательное умалчаніе обо всѣхъ тѣхъ неблагоприятныхъ поступкахъ, какіе допускало себѣ турецкое правительство по отношенію къ константинопольскимъ патріархамъ. Такое замалчиваніе со стороны Гедеона указанныхъ фактовъ простирается очень далеко. Напр. онъ лишь въ двухъ-трехъ неясныхъ словахъ упоминаетъ о весьма важномъ событіи столкновенія патріарха Нифонта II (XV в.) съ турецкимъ правительствомъ (сѣл. 488); онъ, Гедеонъ, проходитъ полнымъ мол-

зантійской имперіи до близкихъ къ намъ временъ,—такую исторію впрочемъ можно было бы и теперь уже писать, но

чаніемъ обстоятельства, при которыхъ въ началѣ XVI в. лишень былъ патріаршества по волѣ султана ни въ чемъ не повинный патріархъ Іоакимъ I (сел. 497). Но видѣте всего разсматриваемый недостатокъ въ томъ, что авторъ совсѣмъ ничего не говоритъ объ обстоятельствахъ смерти такихъ патріарховъ, о которыхъ достовѣрнѣйшимъ образомъ извѣстно, что они были жертвами турецкаго деспотизма. Извѣстно, какую смертію умеръ знаменитый патріархъ XVII вѣка Кириллъ Лукарь: онъ былъ казненъ чрезъ задушеніе по волѣ Порты, при чемъ тѣло его было брошено въ море; исторія смерти Кирилла подробно описана очевидцами. А между тѣмъ у нашего автора встрѣчаемъ относительно смерти Лукаря лишь слѣдующую загадочную фразу: „руки благочестивыхъ рыбаковъ отыскали тѣло св. патріарха (гдѣ и почему?!) и съ честью погребли его“ (сел. 563). Или: Гедеонъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о трагическихъ обстоятельствахъ, при какихъ произошла смерть столь извѣстнаго патріарха текущаго вѣка Григорія V; вмѣсто всякихъ подробностей по этому поводу, авторъ отдѣляется слѣдующею лаконическою фразою: „Григорій возсѣдалъ на тронѣ патріаршемъ до 10 апрѣля 1821 года, когда и умеръ“ (*ότε ἀπέθανε*) (сел. 684). Само по себѣ понятно, что разбираемый недостатокъ мало чувствителенъ для тѣхъ читателей книги Гедеона, которые сами занимались или занимаются исторіей патріарховъ турецкаго періода; но въ какое неловкое положеніе можетъ поставить себя читатель, наводящій справку у Гедеона и не имѣющій возможности наводить другихъ справокъ, да и не догадывающійся, что эти послѣднія нужны и при существованіи на свѣтѣ сочиненія Гедеона. Спрашивается, отчего произошелъ этотъ недостатокъ? Неужели виной этого—турецкая цензура? Неужели Турки начинаютъ стыдиться того, что когда нибудь они позволяли себѣ казнить патріарховъ константинопольскихъ? Мы склонны думать, что лишь излишняя осторожность заставила Гедеона рѣшительно умалчивать о непохвальныхъ дѣяніяхъ Порты, поскольку эти дѣянія имѣли прикосновеніе къ исторіи патріарховъ. Интересно однакожь, что очень нерѣдко въ сочиненіи Гедеона встрѣчаются такія замѣтки: патріархъ Софроній II „пользовался уваженіемъ и любовію со стороны Порты“ (сел. 665); или, рассказывая о патріархѣ Неофитѣ VI (кон. XVIII в.), авторъ упоминаетъ объ одномъ неважномъ дѣяніи при немъ и говоритъ, что оно произошло „вслѣдствіе обычной милости Высокой Порты“ (678). А это и подобное—что значить? Повидимому, политика въ Турціи еще примѣшивается къ ученой дѣятельности. Ссылки Гедеона на различные источники замѣчательно точны. Но все же встрѣчаются изрѣдка и непріятныя исключенія изъ этого правила. Такъ иногда авторъ отсылаетъ своего читателя за справками къ такой или другой книгѣ, а случается и къ нѣсколькимъ заразъ, не принимая на себя труда указать страницы рекомендуемыхъ имъ книгъ. Нужно, наконецъ, замѣтить, что, по нашему мнѣнію, вообще Гедеонъ—человѣкъ ума не очень бойкаго. На послѣдней страницѣ своей книги М. Гедеонъ заявляетъ, что изданіе

только мы отнюдь этого дѣлать не станемъ. Такая исторія не нашла бы ни издателя, ни читателей. Въ виду этого

книги стоило очень дорого: 5000 франковъ. Можно порадоваться, что авторъ изыскалъ такія значительныя средства на свое изданіе.—2) *Zachariou Math. Katálogos tōn prōtōn epiškōpōn kai tōn eφεξής patriarxōn en Konstantinouπόλει* (Навплия, 1837). Сочиненіе Маты въ подлинникѣ намъ неизвѣстно, но въ этомъ нѣтъ большой бѣды. Мы обладаемъ полнымъ переводомъ книги Маты, напечатаннымъ въ *Христианскомъ Читаніи* подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Историческій списокъ епископовъ, а потомъ патриарховъ константинопольскихъ“. Мы впрочемъ поведемъ далѣе рѣчь исключительно о той части этого сочиненія, которая заключаетъ „списки константинопольскихъ патриарховъ отъ взятія Константинополя Турками до 1836 года“, на которомъ оканчивается трудъ Маты (Хр. Чт. 1862 г., т. I и II). Кто такой Захарія Мата? Какимъ научнымъ авторитетомъ обладаетъ онъ? До этихъ вопросовъ намъ нѣтъ никакого дѣла, потому что хотя какой то навплийскій архидіаконъ Захарія Мата и существовалъ на свѣтѣ, но указанной книги совсемъ не писалъ, а дозволилъ только поставить на чужой книгѣ свое ничѣмъ неизвѣстное имя. Подлиннымъ авторомъ книги оказывается знаменитость: современникъ Маты извѣстный греческій ученый Константинъ Икономосъ. Само по себѣ понятно, что мы никогда не догадались бы, что „каталогъ“ написалъ не Мата, а Икономосъ, если бы намъ со стороны не указали на это любопытное обстоятельство. Въ этомъ отношеніи нашими просвѣтителями были Гедеонъ и Сата. Первый изъ нихъ говоритъ: „считаю нужнымъ упомянуть, что равше другихъ Софокль Икономосъ (сынъ К. Икономоса) объявлялъ во всеулышаніе, — и это было при жизни Захарія Маты — что „каталогъ“ патриарховъ, посвящій имя этого послѣдняго, есть сочиненіе Константина Икономоса“ (σελ. 357). К. же Сата въ своей Ново-эллинской Филологіи пишетъ, не входя въ подробности, что тоже сочиненіе хотя носить имя Маты, но принадлежитъ по своему происхожденію К. Икономосу (σελ. 736). Возникаетъ вопросъ, что это значить? Какъ понимать, что какой то невѣдомый Мата подѣлился своимъ именемъ съ Икономосомъ, а Икономосъ, не смотря на свою ученую и историческую извѣстность укрывался подъ чужимъ ничемъ не значущимъ именемъ? На эти вопросы мы не встрѣчали отвѣтовъ въ литературѣ; да и самыхъ вопросовъ, кажется, никто изъ ученыхъ не предлагалъ себѣ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, рѣшить подобные вопросы есть возможность. Для того, чтобы рѣшить ихъ нужно прежде всего уяснить себѣ: какимъ научнымъ авторитетомъ обладаетъ разсматриваемый „каталогъ“ Икономоса (будемъ называть автора настоящимъ его именемъ)? Но и этимъ вопросомъ опять таки никто не интересовался; исключеніе представляетъ К. Сата, но Сата у Икономоса разбираетъ слегка лишь хронологію нѣкоторыхъ патриарховъ турецкаго періода, не принимая на себя труда ставить и рѣшать другіе вопросы касательно книги. Возьмемъ на себя трудъ опредѣлить научный авторитетъ изучаемаго сочиненія Икономоса. Едвали нужно прибавлять, что самъ Икономосъ отнюдь ни одной строчкой своего сочиненія не помогаетъ критику ориентироваться въ тѣхъ

мы ограничиваемся краткой характеристикой константинопольской патриархія, которую было бы удобно напечатать

вопросахъ, о которыхъ у насъ рѣчь. Научный авторитетъ каждаго историческаго сочиненія (помимо талантовъ автора) несомнѣнно главнѣе всего зависитъ отъ источниковъ, какими пользуется и какъ пользуется авторъ. Какіе же источники Икономоса? Источники его не новы — и при нѣкоторомъ вниманіи ихъ достаточно можно разглядѣть. Начало разсматриваемой нами части „каталога“, т. е. рассказъ о патриархѣ Геннадіи Схоларіи написанъ подъ вліяніемъ византійскаго историка Франдзія, съ нѣкоторыми несущественными прибавками, которыя могли остаться въ головѣ автора отъ чтенія разныхъ книгъ въ разное время, затѣмъ „каталогъ“, описывая правленіе константинопольскихъ патриарховъ, начиная отъ преемника Геннадіева до Іереміи II, т. е. до 70-хъ годовъ XVI вѣка, довольно рабски придерживается извѣстнаго труда Дамаскина Студита (въ передѣлкѣ Малакса): *Historia Patriarchica*, при чемъ по мѣстамъ присоединяются мысли самаго автора, т. е. Икономоса, но мысли малаго научнаго значенія. Тамъ, гдѣ кончается рассказъ о патриархахъ указанной *Historia Patriarchica*, составитель „каталога“ беретъ въ руки „церковную исторію“ Мелетія аеиискаго и выписываетъ изъ нея извѣстія о константинопольскихъ патриархахъ конца XVI и всего XVII вѣка, привнося иногда сюда замѣтки о тѣхъ же патриархахъ изъ сочиненія Досіоея іерусалимскаго: „о патриархахъ Іерусалима“. Но все на свѣтѣ имѣетъ конецъ: наступилъ конецъ и тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ такъ легко было Икономосу выписывать извѣстія касательно патриарховъ константинопольскихъ конца XVI и XVII вѣка. Нужно было Икономосу искать еще какого нибудь источника для греческой церковной исторіи XVIII вѣка. Поиски для автора не стоили большаго труда. Онъ хватается за „Церковную Исторію“ Вендотиса, представляющую собою продолженіе исторіи Мелетія аеиискаго (о Вендотисѣ нѣсколько подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ) и описывающую исторію патриарховъ константинопольскихъ почти всего XVIII вѣка — и начинаетъ компилировать Вендотиса. Но вотъ бѣда, Вендотисъ очень не мягокъ въ отзывахъ о сказанныхъ патриархахъ, а между тѣмъ Икономосу по одной причинѣ, о которой сейчасъ упомянемъ, непремѣнно нужно было, чтобы патриархи высматривали красивѣе, чѣмъ какими ихъ рисуетъ продолжатель Мелетія. Какъ поступить при такихъ обстоятельствахъ? Икономосъ ни чуть не растерялся. Онъ отыскалъ одну истинно достойную сожалѣнія книжонку (отыскалъ, если не въ рукописи, то у Фабриція) нѣкогого Димитрія Прокопія, писателя XVIII вѣка подъ заглавіемъ: „краткій перечень ученыхъ Грековъ“. (*ἑπιτετιμμένη ἐπιρίθνησις τῶν λογίων Γραικῶν*. Vid. Sathas. Biblioth. Tom. III. σελ. 480 κ. λ. π.), въ которой между прочимъ заключаются характеристики патриарховъ константинопольскихъ первой половины XVIII вѣка со стороны ихъ образованности. Всѣ характеристики эти чрезмѣру похвальны и замѣчательно шаблонны. Онѣ такъ похожи одна на другую, что какъ будто бы авторъ (Прокопій) самъ у себя списывалъ ихъ. Книжонка Прокопія такъ ничтожна, что Гелсонъ, если не ошибаемся, только чуть ли не одинъ-другой разъ цитируетъ ее. Но для Икономоса она оказалась кладомъ. Похвалыныя отзывы ему пришлись очень кста-

и которая—надѣмся—найдетъ не совсѣмъ малочисленный кругъ читателей.

ти. По Вендотису и Прокопію Икономосъ описываетъ краткую исторію патріарховъ константинопольскихъ XVIII вѣка до патріарха Самуила (до послѣдней четверти этого вѣка). Затѣмъ всякіе опредѣленные источники оскудѣваютъ для Икономоса (ибо тогда еще не было издано напр. Макрея) и потому съ патріарха Самуила до 1836 года текущаго вѣка нашему составителю „каталога“ пришлось самому собирать свѣдѣнія по исторіи константинопольскихъ патріарховъ. Откуда брать эти свѣдѣнія Икономосъ, это можетъ рѣшить только Грекъ, ученый конечно. Да и этотъ, полагаемъ, не разъ запнется въ рѣшеніи вопроса, такъ какъ Икономосъ могъ описывать XIX вѣкъ какъ современникъ, по неписаннымъ, а потому неопредѣленнымъ источникамъ. Вотъ качества труда Икономоса. Едва ли кто рѣшится обвинять насъ въ излишней строгости сужденія, если мы скажемъ, что произведеніе Икономоса отнюдь не могло служить къ его славѣ. Такой ученый человѣкъ, какъ Икономосъ, и вдругъ сочиняетъ незначительную компіляцію. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина, почему Икономосъ не подписалъ своего имени на произведеніи, а взялъ для этой цѣли малоизвѣстное имя какого то Маты, конечно съ добраго согласія этого навпійскаго архидіакона. Но и послѣ всѣхъ этихъ разъясненій остается открытымъ вопросъ: да зачѣмъ самому Икономосу нужно было сочинять такую не могущую прославить имя сочинителя компіляцію? У Икономоса была особая практическая цѣль, которая и объясняетъ очень достаточно самое его предпріятіе. Когда жители Морей (Морея есть испорченное слово: Ромея), къ которымъ принадлежалъ и самъ Икономосъ отложились отъ турецкаго владычества, то у нихъ явилось непреодолимое желаніе отложиться и отъ патріарха константинопольскаго и учредить у себя автокефальную церковь. Икономосъ не сочувствовалъ этой послѣдней мысли и старался удерживать своихъ единомышленниковъ отъ разрыва съ константинопольскою патріархіей. Чтобы дать своимъ старшіямъ въ этомъ отношеніи большую силу, Икономосъ, какъ мы полагаемъ, и написалъ свой „каталогъ“, который долженъ былъ доказывать жителямъ свободной Греціи, что они грѣшатъ, приписывая патріархамъ злоупотребленія и деспотизмъ; но что напротивъ эти патріархи были, какъ показываетъ исторія, людьми очень достойными. Таково, по нашему мнѣнію, происхожденіе „каталога“ Икономоса. Что намѣреніе Икономоса при составленіи его „каталога“ дѣйствительно состояло въ томъ, чтобы поднять престижъ патріарховъ константинопольскихъ, это можно наблюдать на самыхъ первыхъ страницахъ труда указаннаго ученаго, гдѣ читаемъ: „доныиѣ не прервалась и во вѣкъ не оскудѣетъ златая цѣпь (sic!) достойныхъ преемниковъ Первозваннаго (св. Андрея) и пастыреначальниковъ великой церкви“ (Хр. Чт. т. I, 613). Такъ какъ цѣль у Икономоса была утилитарная, то ему и не было надобности очень много заниматься изученіемъ исторіи патріарховъ: ему нужно было лишь нахватать извѣстное число фактовъ, служащихъ его цѣли, а больше авторъ ни о чемъ и не заботился. Поэтому же Икономосъ очень обрадовался вышеупомянутой

Чтобы не слишкомъ много мудрствовать надъ планомъ, который долженъ руководить нашимъ предпріятіемъ, мы

книжонкѣ Прокопія, благодаря которой онъ могъ смягчать рѣзковатые отзывы Вендотиса о константинопольскихъ патріархахъ XVIII вѣка. Какое же значеніе въ наукѣ можетъ имѣть „каталогъ“ Икономоса? Для исторіи патріарховъ XV, XVI, XVII и большей части XVIII вѣка „каталогъ“ этогъ имѣетъ очень малое значеніе: почти все его содержаніе полностью можно отыскать въ первоисточникахъ. И мы видимъ, что Гедеонъ почти совсѣмъ избѣгаетъ цитировать Икономоса, когда дѣло идетъ о патріархахъ сейчасъ указанныхъ вѣковъ; также точно будемъ поступать и мы. Для конца XVIII и начала XIX вѣка трудъ Икономоса сохраняетъ значеніе, но небольшое, потому что цѣль его произведенія тенденціозна. Гедеонъ иногда беретъ Икономоса въ совѣтники себѣ, когда дѣло идетъ о временахъ, которыя давній ученый зналъ въ качествѣ современника; послѣдуемъ и мы мудрому примѣру константинопольскаго историка. Сочиненіе Икономоса не такъ давно вышло вторымъ изданіемъ въ Греціи, но го словамъ Гедеона это второе изданіе почти ничѣмъ не развито отъ прежняго (σελ. 74), слѣдовательно, мы немного теряемъ, если не имѣемъ подъ руками этого изданія и будемъ довольствоваться русскимъ переводомъ „каталога“ стараго изданія. Кѣмъ сдѣланъ русскій переводъ мы не знаемъ. Судя по точности языка, эпохѣ, когда появился переводъ, и принимая во вниманіе специальное знаніе переводчикомъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ ведется рѣчь въ „каталогѣ“, мы склонны приписывать составленіе перевода профессору Петербургской Академіи Н. Е. Троицкому.—3) *Γεδεών. Χρονικά τῶν πατριάρχων οὐκῶν καὶ τοῦ ναοῦ.* („Хроника патріаршаго дома и храма“ — въ Константинополѣ). Константинополь, 1884. Вотъ еще сочиненіе Гедеона. Оно имѣетъ своєю задачею прослѣдить тѣ перемѣны, какія претерпѣвало жилище патріарха въ столицѣ. Для насъ оно важно постольку, поскольку разъясняетъ дѣло по отношенію къ турецкому періоду. Патріархъ константинопольскій, какъ извѣстно, не сразу сталъ жить въ Фанарѣ, а предъ этимъ послѣдовательно жилъ еще въ разныхъ частяхъ Константинополя. Какъ и при какихъ обстоятельствахъ это произошло — вопросы любопытные. Впрочемъ, должны оговориться, что детальная разработка вопросовъ о патріаршемъ домѣ и храмѣ, какъ это находимъ у Гедеона, при тѣхъ не широкихъ размѣрахъ, какіе долженъ имѣть нашъ трудъ и при скромности задачи, нами на себя принятой, представляетъ почти роскошь для насъ; но извѣстно, что по части ученыхъ пособій пріятнѣе изобиліе чѣмъ недостатокъ. Сочиненіе написано частію на основаніи первоисточниковъ, частію — личныхъ наблюденій автора. Въ русской литературѣ ссылокъ на эту книгу мы, кажется, совсѣмъ не встрѣчали.—4) *Ματθαῖος Κυάλας. Νέα σύντομος διαφύρων ἱστοριῶν* (Новый синонѣсъ разныхъ исторій — отъ сотворенія міра до настоящаго времени). Вевесія, 1637 года. Это сочиненіе Матѳея Кигалы или Кикалы совершенно неизвѣстно въ русской наукѣ. Мы ни у одного русскаго писателя не встрѣчали слѣдовъ пользованія синонѣсомъ Кигалы; мало того: одинъ русскій ученый историкъ, найдя въ иностранномъ источникѣ, относимомъ къ

остановимся на самомъ простомъ и обычномъ въ подобныхъ случаяхъ планѣ: сначала воспроизведемъ факты, разъясняю-

XVIII вѣку, упоминаніе о „хрснографіи Матѳея“ (т. е. о синопсисѣ Кигалы), даже усумнился, чтобы существовала на свѣтѣ хронографія Матѳея, принявъ указаніе на Матѳея за ошибку автора и предложилъ читателю вмѣсто имени: Матѳея читать: Дорѳея (Монемвасійскій). Такъ мало у насъ знаютъ историка XVII вѣка Матѳея Кигалу. О синопсисѣ этого историка быть можетъ слѣдовало бы вести рѣчь при „обзорѣ источниковъ“ (каковой слѣланъ нами раньше); но принимая во вниманіе полную несамостоятельность синопсиса, тамъ рѣчь о немъ была излишня. Тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ своимъ сторонамъ синопсисъ можетъ оказывать намъ хотя не существенную, но добрую услугу — при написаніи исторіи патріарховъ турецкаго періода; вотъ почему мы и рѣшились сказать здѣсь о немъ нѣсколько словъ. Константинъ Сата весьма недоволенъ разсматриваемымъ трудомъ Кигалы и смотритъ на появленіе его въ свѣтѣ какъ на одно изъ темныхъ пятенъ въ исторіи греческой литературы. Намъ часто приходится не соглашаться съ этимъ пресловутымъ ученымъ Грекомъ; на этотъ разъ мы тоже не считаемъ себя вправе соглашаться съ Сатою. Сата утверждаетъ, что синопсисъ, есть плодъ генифтвахерства, что это произведение составлено Кигалой по настоянію венеціанскаго типографа XVII вѣка Антонія Юліана, который видя блестящій успѣхъ уже извѣстнаго намъ (см. нашъ „Обзоръ источниковъ“) историческаго сочиненія Герѳея Монемвасійскаго, имѣвшаго выдти послѣ недавняго перваго изданія его тоже венеціанскимъ типографомъ Пинцеломъ, выдти уже вторымъ изданіемъ, — рѣшился попорвать успѣхъ указанной книги; а для этого онъ и поговорилъ Кигалу составить подобную же историческую книгу, которая могла бы конкурировать съ сочиненіемъ Герѳея. Кигала, по словамъ Саты, охотно взялся за это; но вмѣсто того, чтобы составлять свою книгу, онъ кое какъ передѣлалъ трудъ Герѳея, уже разъ напечатанный и присоединилъ кое какіе рассказы отъ себя и вотъ явилась на свѣтъ: *Νέα σύνταξις*. (Sathas. Bibl. Graeca III, *Προλ.*, σελ. 18). Какъ ни значителенъ авторитетъ Саты въ наукѣ, мы должны однакожъ не обинуясь сказать; что все, наговоренное этимъ ученымъ по поводу синопсиса Кигалы, есть плодъ невниманія къ тому вопросу, о которомъ рѣшился трактовать самонабланный Грекъ. При какихъ вѣдннихъ обстоятельствахъ появился трудъ Кигалы — для насъ не имѣетъ большаго значенія; и съ этой стороны Кигалу защищать мы не намѣрены (тѣмъ болѣе, что Сата и не указалъ, на чемъ онъ основываетъ свои ипечуаціи). Но что касается отношенія синопсиса Кигалы къ хронографіи Герѳея (о ней—какъ мы уже замѣтили — была рѣчь въ главѣ: „Обзоръ источниковъ“), то мы рѣшительно убѣдились, что тамъ, гдѣ Кигала *могъ не* пользоваться Герѳеемъ, онъ имъ и въ самомъ дѣлѣ не пользовался. Оговоримся впрочемъ, мы имѣемъ разсуждать о той для насъ важнѣйшей части синопсиса Кигалы, которая излагаетъ греческую церковную исторію турецкаго періода (XV и XVI вѣка). Весь этотъ обширный отдѣлъ синопсиса Кигалы, начиная отъ Генвадія Схоларія до патріарха Геремія II изложенъ этимъ историкомъ не по Герѳею. Сата,

щіе интеллектуальную сторону жизни патриарховъ изучаемаго періода, потому соберемъ черты, характеризующія

произнося свой неумолимый приговоръ надъ Кигалой, введенъ былъ въ заблужденіе какъ тѣмъ, что вообще Кигала походитъ на Героея, при чемъ торопливый Грекъ не взялъ на себя труда провѣрить — какъ далеко простирается это сходство, такъ и тѣмъ, что конецъ синопсиса заимствованъ изъ хронографіи Героея, но на это есть уважительная причина, которой Сята не понять. Мы сказали, что весь обширный отдѣлъ синопсиса, описывающій патриарховъ отъ Геннадія до Іеремія II не заимствованъ изъ Героея; и это совершенно вѣрно. Дѣло невозможное сравнивать два труда Кигалы и Героея во всѣхъ подробностяхъ. Ограничимся однимъ примѣромъ. Говоря о патриархѣ Нифонтѣ (кон. XV в.), Кигала пишетъ, что родомъ онъ былъ целополицецъ, что мать его была римлянка или ромеянка (*Romaica*), утверждаетъ, что однимъ изъ трехъ лицъ, казненныхъ въ это патриаршество по приказанію султана—былъ іеромонахъ по имени Антоній (сел. 448—449). Всѣхъ этихъ извѣстій нѣтъ у Героея (сел. 431 по изданію 1798 г.) (Другіе примѣры въ томъ же родѣ приведемъ ниже, при удобномъ случаѣ). Спрашивается: какимъ образомъ Кигала, будучи, по словамъ Саты, лишь плагиаторомъ Героея, могъ знать и писать такія вещи, которыхъ не сообщаетъ этотъ послѣдній? Ларчикъ просто открывается. Героеей и Кигала, описывая указанный отдѣлъ исторіи, пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ—хронографіей, сочиненной Дамаскиномъ Студитомъ. (См. о Дамаскинѣ „Обзоръ источниковъ“). Если мы станемъ сравнивать Кигалу въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ разнится отъ Героея, съ *Historia Patriarchica* въ „Турко-Греціи“ (напр. о патриархѣ Нифонтѣ *vid. p. 139—140*, этой *Historia*), несомнѣнно написанной со Дамаскину, то для насъ ясно станетъ, что Кигала, какъ и Героеей, имѣлъ одинъ общій источникъ и что поэтому то Кигала съ одной стороны походитъ на Героея, а съ другой—разнится отъ него. Разница Кигалы отъ Героея оттого и получилась, что этотъ историкъ вовсе не компилировалъ Героея, а писалъ независимо отъ него, имѣя руководителемъ именно Дамаскина Студита. Остается еще рѣшить вопросъ: какъ Кигала пользовался Дамаскинымъ—въ рукописи ли (подобно Героею, который читалъ и пользовался Дамаскинымъ въ рукописи. См. объ этомъ „Обзоръ источниковъ“) или же при посредствѣ *Historia Patriarchica*, напечатанной въ „Турко-Греціи“ (въ 1584 г.)? Для насъ не остается ни какого сомнѣнія въ томъ, что Кигала читалъ Дамаскина въ рукописи—какъ и Героеей—а не читалъ его въ Турко-Греціи. Доказательства нашего мнѣнія мы находимъ въ слѣдующемъ: у Дамаскина Студита не было разказовъ ни о Арсеніи ученомъ митрополитѣ Монемавасійскомъ время патриаршества Нахомія I, ни разказа о томъ, какъ Іеремія I спасалъ константинопольскія церкви отъ разрушенія ихъ султаномъ (какъ удостовѣряетъ въ томъ Сата, изучившій рукопись Дамаскина въ святогробской библіотекѣ въ Константинополѣ); того и другаго разказа нѣтъ и у Кигалы, какъ не имѣется ихъ и у Героея. Разумѣется это не случайность. Конечно, можно было бы думать, что у Кигалы нѣтъ сейчасъ упомянутыхъ разказовъ потому, что онъ списывалъ

правственную фізіономію тѣхъ же патріарховъ и ихъ церковно общественную дѣятельность, наконецъ опишемъ ихъ матеріальное положеніе, которое составляетъ не такой простой вопросъ, какъ гдѣ либо въ другихъ странахъ.

у Героея, который по увѣренію Саты читалъ Дамаскина въ рукописи, слѣдовательно, безъ вышеупомянутыхъ позднѣйшихъ прибанокъ, имѣющихся въ Турко-Греціи. Но такъ разсуждать невозможно, когда нами выше указано (и будетъ не разъ указано потомъ—и еще болѣе доказано), что Кигала въ разбираемомъ отдѣлѣ его труда писалъ независимо отъ Героея. Итакъ, составляя обширный отдѣлъ своего синопсиса, охватывающій исторію патріарховъ отъ середины XV до 70-хъ годовъ XVI вѣка, Кигала не пользовался Героеемъ; онъ писалъ здѣсь по тому же самому источнику, какимъ пользовался и Героей. Что касается заключительныхъ страницъ синопсиса, гдѣ излагается исторія правленія патріарховъ конца XVI вѣка—Иеремія II, Пахомія II и Феодита II, то нѣтъ сомнѣній, разсказы, сюда относящіеся, Кигала взялъ у Героея; но взялъ онъ ихъ единственно потому, что только Героей и описалъ подробно и обстоятельно эти времена; должно сказать здѣсь, что и въ настоящее время историкъ греческой церкви, хотя съ глубокимъ прискорбіемъ (отчего зависитъ это глубокое прискорбіе—уяснимъ въ своемъ мѣстѣ) вынуждается прибѣгать къ пользованію все тою же некрасивою и пристрастною повѣстью Героея, когда историку нашего времени приходится раскрывать исторію названныхъ трехъ патріарховъ. Итакъ, если описаніе Кигалю патріаршествованій константинопольскихъ іерарховъ отъ Геннадія до Иеремія II составлено не самостоятельно и если исторія остальныхъ патріарховъ XVI вѣка имъ написана несомнѣнно по Героею, то имѣеть ли какое либо научное значеніе трудъ Кигалы? Можно подумать: не имѣеть, а на самомъ дѣлѣ: имѣеть. У Кигалы можно находить цѣнные варианты, когда онъ говоритъ о патріархахъ отъ Геннадія до Иеремія II, здѣсь же у него встрѣчаются эпитеты, синонимы, своеобразные пересказы уже извѣстнаго, имѣющіе значеніе комментарія къ другимъ извѣстнымъ источникамъ. Далѣе: разъ нами доказано, что Кигала пользовался въ своихъ разсказахъ о патріархахъ до Иеремія II не Героеемъ, и не Турко-Греціей, а рукописью исторіи Дамаскина, то для науки открывается возможность при помощи какъ Героея, такъ и Кигалы (которые оба пользовались Дамаскинымъ въ рукописи) составлять себѣ понятіе о томъ, какова—исторія Дамаскина, и до сихъ поръ еще не напечатанная, не смотря на ея великое значеніе въ наукѣ, — чѣмъ отличается отъ нея та „Патріаршая исторія“, которая составлена на основаніи Дамаскина и вошла въ составъ „Турко-Греціи“? Вопросы болѣе, чѣмъ любопытные. Не смотря на такое значеніе Кигалы не только русскіе и западно-европейскіе ученые совѣзмъ не привлекаютъ себѣ въ совѣтники этого историка, но даже и греческіе писатели, въ родѣ усерднаго и многовѣдущаго Гедеона—пренебрегаютъ, къ сожалѣнію, авторомъ синопсиса. Во всякомъ случаѣ надѣемся, что послѣ нашихъ разъясненій честь Кигалы, замаранная Сатою, снова восстанавливается—и онъ опять становится „благоговѣйнѣйшимъ во іерейхъ“, какъ онъ именуется въ заглавіи его книги — и что

Хорошо понимаемъ, что этотъ обычный и довольно часто встрѣчающійся планъ не есть лучшій.

Лучше всего было бы описывать патріарховъ ¹⁾ и ихъ дѣятельность въ хронологическомъ порядкѣ, переходя отъ описанія одного патріарха къ другому, но такой планъ, кромѣ того, что потребовалъ бы для своего осуществленія много мѣста въ печати, долженъ былъ бы вести къ частому повторенію рассказовъ одинаковаго характера, имѣющихъ значеніе въ отдѣльной біографіи ²⁾, но лишенныхъ

книга его, назначенная „на общую пользу“ (какъ сказано въ томъ же главіи) дѣйствительно не лишена такого значенія. Матѳей Кигала, пужно сказать, былъ греческій іерей съ о. Кипра, проживавшій въ Венеціи, что тогда случалось часто: въ XVII вѣкѣ въ Венеціи Грекамъ такъ же пріятно жило, какъ теперь иностранцамъ въ Парижѣ.

1) Считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующее поясненіе: 1) Мы будемъ цитировать ниже не одно, а три сочиненія М. Гедеона, поэтому тамъ, гдѣ у насъ для краткости цитациі будетъ упоминаться одна фамилія: Гедеонъ съ указаніемъ страницы, но безъ дальнѣйшихъ пояснительныхъ словъ, читатель долженъ разумѣть главнѣйшее изъ произведеній этого автора: *Πατριαρχειοὶ τίταρες*, на которое намъ очень часто придется ссылаться. 2) Такъ какъ наукой принято, а нами разъяснено, что сочиненіе „каталогъ“, извѣстное съ именемъ Маты въ дѣйствительности принадлежитъ К. Икономосу то если намъ случится назвать автора этого сочиненія въ нашемъ текстѣ, мы будемъ именовать его настоящимъ именемъ (Икономосъ), а въ примѣчаніяхъ удержимъ то имя, какое автору усвоится въ печати и литературѣ (Мата); при этомъ еще слѣдуетъ замѣтить, что при цитациі изъ сейчасъ названнаго сочиненія римскія цифры I и II будутъ означать первый и второй томы Хр. Чт. за 1862 г., гдѣ это сочиненіе напечатано въ переводѣ (а самое названіе журнала и годъ изданія для краткости рѣчи мы станемъ пропускать). 3) Въ подобномъ же родѣ, какъ Мату—Икономосу, мы будемъ именовать въ текстѣ и цитировать въ примѣчаніяхъ и хронографію, извѣстную съ именемъ Дороея Монемавасійскаго: ученымъ Сатою удовлетворительно разъяснено (см. нашъ „Обзоръ источниковъ“), что авторомъ этой хронографіи былъ Іерофей—митрополитъ Монемавасійскій, а не Дороей, а потому, если въ текстѣ намъ будетъ нужно именовать автора разсматриваемой хронографіи, то мы будемъ именовать его настоящимъ его именемъ (Іерофей), а въ примѣчаніяхъ удержимъ тотъ псевдонимъ, подъ которымъ трудъ Іерофея изданъ и извѣстенъ въ печати и литературѣ (Дороей).

2) Если бы мы взяли на себя задачу разсказать исторію патріарховъ въ послѣдовательномъ порядкѣ—одного за другимъ, разсказать хотя бы кратко, то у насъ вышло бы нѣчто подобное тому, что написалъ Гедеонъ, но при всемъ нашемъ уваженіи къ нему, Гедеономъ быть мы не желаемъ: во 1-хъ потому, что излагая исторію патріарховъ турецкихъ временъ, намъ пришлось бы написать столько же, сколько и онъ написалъ (т. е. 241 страницу и даже болѣе, такъ какъ Гедеонъ остановился на 1884 году), а этого по-

значенія въ исторіи, какъ разъяснительницѣ общаго развитія и общаго движенія тѣхъ или другихъ сторонъ исторической жизни. Впрочемъ мы по возможности дадимъ мѣсто и требованіямъ этого лучшаго плана, не отступая много въ то же время отъ плана, нами принятаго.

жалуй много для нашей скромной цѣли: во 2-хъ, сочиненіе Гедсона, во всякомъ случаѣ сочиненіе скучное, имѣющее значеніе лишь въ смыслѣ книги справочной и не рассчитанной, какъ говорится, на „большую публику“, между тѣмъ мы вовсе не собираемся погребать свой трудъ, въ ожиданіи немногихъ охотниковъ до скучныхъ книгъ, а искренно желаемъ, чтобы насъ читали побольше. Поэтому нашъ планъ, не смотря на его несовершенство, намъ болѣе пригоденъ, чѣмъ какой другой.